

ЭКЗИСТЕНЦИЯ: ЗАБЫТЫЙ ЧЕРНОБЫЛЬ**М.А. ПРОНИН***5. Чернобыль. Будничные этюды**

...Поселили меня на лодочной станции на берегу Припяти, между собой называемую «лодкой». Досталась комната переменного состава: для командированных.

Город. Все ходят «перпендикулярно». Не видели такого? Не понятно, что означает? Никто не срезает углов, все ходят только по асфальту, поэтому газоны как живые. Ягоды и фрукты никто не срывает. Серость асфальтовой дорожки резко перебивают мазки импрессионистов. Над тротуаром кисти шелковицы почти что с кулак. Они падают под своей тяжестью и их просто давят. Смотришь на буйство плодоносных садов – практически везде частный сектор, - захватывают два чувства – восхищение и боль. В то время была популярна песня «Яблоки на снегу – розовые на белом...» – чернобыльцы понимали, что это почти что гимн ликвидаторов. Да и детская загадка «Висит груша – нельзя скушать» получила новую, не менее грустную отгадку.

Работали дом культуры и библиотека при нем. Но книги можно было читать лишь в зале. Читальный зал был пуст, когда я в него заглянул. Кино как-то я ни разу не посмотрел – не знаю, крутили ли его, – но на концерте местного барда из украинского КСП (клуба самодеятельной песни) я побывал. Чернобыльские стихи в распечатках на ЭВМ были в цене и рассматривались как валюта наряду с алкоголем. В Зоне был сухой закон, а в стране вся водка по талонам. А откуда у приезжего талоны? Аптека была открыта. Я в ней нашел «запретный плод», о коем скажу чуть позднее. Храм был закрыт. Сказывали, что батюшка временами навещается, во что верилось с трудом – свободного, празднующегося люда практически не было. Собственно, все. Ходить некуда. Из развлечений – столовая и баня, да телевизор.

Вся вода была привозная, хотя коллеги на местной санэпидстанции утверждали, что воду из водопровода они сами пьют. Чаю из их водопровода у них я попил, но из своего не стал: мало ли что по пути с водопроводом могло произойти. Так что через неделю на фоне потребления лечебных минералок вдруг ощутил, что компенсаторно желудок начинает повышенно вырабатывать желудочный сок. Изжога невероятная. Выпьешь – погасишь кислоту, а она еще сильнее вырабатывается. Уловил, что порочный круг образуется – бросил пить всю эту воду. Дня три ходил с «горячим желудком». Еле перетерпел. Так что вода – вот она, – лето, жара, а пить не можешь! Поэтому «Фанта», «Пепси» и прочие простые лимонады были в огромном дефиците, а обыкновенную питьевую воду в бутылках тогда в СССР еще не выпускали. Через пару недель чай на «Боржоми» после кипячения пился уже легче.

---

* Начало см.: *Философские науки*. 2011. №8.

Лето, жара, хотя все, что можно, стараются полить водой, и перед входом в каждый дом ванночка или противень с проточной водой — обмыл ботинки, вытер ноги о тряпку и только после этого зашел в здание, — глотку у меня, на фоне удаленных миндалин и фарингита, драло постоянно. Решил закапывать масло в нос. За этим, собственно, и зашел в аптеку. Масла не было — ни облепихового, ни персикового, никакого другого. Благо, что хоть пару пипеток купил — решил, что в столовой растительного возьму. Но чудо! Вижу скромно так в уголке, не на виду, стоит медицинский коньяк — настойка боярышника. Купил почти целую коробку — забрал все, что было. С боем, но продали — помогли медицинские петлицы и аргумент: «Отдадите все — и проблем нет, нечего будет у вас просить!» Ну и закуску — поливитамины «Гексавит». Что делать с медицинским коньяком я уже знал — был план.

Радостно пошел в столовую, налил себе пузырек масла, что стояло на столах. Пугать никого не стал — решил, закапаю у себя. «Дома на лодке» меня ждало разочарование. Масло, на вкус вполне съедобное и свежее, «на нос» проверку не прошло: прогорклость, горечь, раздражение и жжение до слез! Пришел в столовую на ужин: «Мужики, — говорю, — замените масло. Плохое!» Пообещали.

Сделаем из этой истории короткую, как говорят англичане.

Ругался с поварами несколько дней. Наконец, собралась вся бригада — явно меня ждали, чтобы дать коллективный отпор.

«Слушай, мужик, перестань — нормальное масло! Мы все пробовали!» А я им: «Поганое масло!» Наконец с их стороны прозвучал вопрос: «А ты, вообще, что с ним делаешь?.. Зачем оно тебе?»

В голове пронесли медицинские анекдоты... но отвечаю: «В нос закапываю!» Тишина. «Зачем?»

Объясняю. Один из поваров отделяется от коллег и с огромным интересом переспрашивает: «Помогает?» «Должно. Но от того, что на столах, только хуже дерет». «А у меня уже здесь второй год не переставая, сил нет. И врачи ничего порекомендовать не могут...». Показываю на свои медицинские петлицы, еще раз объясняю величие замысла, в итоге дарю свою пипетку.

На следующий день меня встречает счастливый повар и радостно подтверждает: «Ну, дерет!»... «А вот это нормально!» — достает из-под прилавка и протягивает трехлитровую банку растительного масла. Еле отказался от такого объема, но как знак благодарности мне все же всучили пол литра. Думал, лишнее, но коллеги, услышав историю, разобрали излишки — пришлось вновь идти за маслом.

Сейчас ловлю себя на вопросе: «О чём пишу?» Быт и срунда. Но, наверное, именно в какой-то специфической конфигурации повседневности и проявляются тяготы, лишения, анекдотичность жизни и ее героизм. А героизма ниже добавлю. Такого простого, без затей.

И еще. Мой рассказ от лица человека военного (гражданские специалисты жили своей особой вахтовой жизнью), который имел возможность относительно свободно перемещаться по городу. Все пере-

движения войск происходили исключительно организованно. Поэтому сходить «за пипеткой» в аптеку для многих было «несбыточной мечтой». Добавлю. У меня был пропуск в Зону и из нее. Рядового ликвидатора (даже старшего офицера) впускали по одноразовому списку и выпускали также. Особый режим: не зайдешь, не выйдешь — еще штрих к атмосфере. Да! Пропуск в Чернобыль «работал» по всей стране. За время чернобыльской командировки я побывал в Киеве, в Каниве, в Ленинграде, ездил в Белую Церковь и в Белоруссию (Хойникский район Гомельской области). Приезжаешь, покажешь его на проходной в нужной организации, скажешь, что нужна помощь и тебя уже ведут к руководителю. В ликвидации последствий катастрофы принимала участие вся страна, нигде не было безучастных, везде все, кто чем-то мог помочь, помогали. Искренне. Смотрели как на человека, если не с того света, так из той части мира людей, которых нет «ни среди живых, ни среди мертвых».

Признаюсь, несколько раз я его использовал «в корыстных целях»: подходил к администраторам в киевских кинотеатрах и просил контрольную. Пропуск сыграл со мной злую шутку. Из-за его наличия меня не включали в приказы на проезд в Зону, и сейчас по документам значится, что я был в ней всего 12 дней.

Каждый день, пока я первый раз был в Зоне, подходил к дозиметристу за дозиметром. Надо понимать, что согласно наставлениям, индивидуальный дозиметр полагался лишь офицерам. Рядовые получали таковой на отделение (на 12 человек), — тем самым измерялась «средняя температура по отделению» (у гражданских на станции и около — было другое). Поэтому сегодняшний скепсис чиновников и их доклады про то, какие дозы люди получали — это рассказы. Сначала создается система, в которой ничего не измеряется и не учитывается, а потом чернобыльцу этим же попеняют. Так вот, день на седьмой, таки, дозиметрист сжалился — снял свой дозиметр и повесил мне на грудь. «Вот, дорогой, носи — свой отдаю!» Я ему не поверил, тут же снял дозиметр и разобрал. Вместо трех полагающихся таблеток в нем были лишь полторы обломанных. Свинство. Пока я разбираю дозиметр — дозиметрист сбежал. Через день я его увидел, подошел и со словами про его обещание отдать свой дозиметр — начал снимать. Сцена незабываема... Остался я без дозиметра.

Потребовалось поехать в командировку, что я и сделал по простоте душевной. На проверку оказалось, что если едешь из командировки в командировку — командировочные не платят! Ни по новой командировке, ни по старой, так как ты «из нее» уехал (то есть ни 2руб. 50 коп. обычных суточных, ни 4руб. 50 коп. — чернобыльских). И второго чернобыльского оклада тебе не положено: пишу, чтобы вы понимали, какие деньги так называемым тоталитарным государством тратились. Финансист мне об этом ничего не сказал. А на мой удивленный вопрос по приезду ответил, глядя на меня оловянным глазом, что полагал эти тонкости мне знакомыми. Так что пережил я и такой опыт — «за свой счет» Родину защищал.

6. Свинцовые трусы: рождение мифа

Развлечений практически не было никаких. Вечера летом длинные и их старались как-то скоротать. В отделе, конечно, смотрели телевизор. Как правило же, народ играл в домино в «ЧЧВ» — человек человеку волк, — или в подкидного дурака. Услада для новеньких, кто прибыл в Зону только что. «Старожилы» — те, кто уже проработал второй, а то и третий срок (обычная командировка 3 месяца), — запирались в своей комнате. Выходили они навеселе, внося волну хорошего настроения и вызывая зависть. Народ в Зоне делился на тех, кто мог достать выпивку и тех, кто об этом только мечтал. Сухой закон в Чернобыле и талоны на водку в стране в то время — задачу добычи алкоголя делали практически нереальной. Часам к 22-м желающие собирались и шли в баню. Благодаря старичкам у нас были дефицитные талоны в сауну. Душевое отделение всегда доступно, но удовольствие не то. Сауна небольшая, человек на 12 и, зачастую, в нее тянулась небольшая, но очередь. Но опять же — старожилы познакомили нас с банщиками и те разрешили нам ходить в женское отделение. Женщины в Чернобыле были считанными, часам к восьми вечера они все уже сидели по домам и нас можно было спокойно пускать. После сауны я шел спать на «лодку».

В очередной из вечеров я попросил старожилов воспользоваться их комнатой и, получив удивленное согласие, удалился в нее со своим новым другом. Картина не могла не вызвать удивление — человек в Зоне всего несколько дней, а уже... Достал по флакончику медицинского коньяка и по паре шариков «Гексавита». Ни до этого, ни после — никогда не пил эту божественную гадость. Дело было в принципе: негодяи эти запираются, никого не приглашая, а потом радуются домино. Хотелось нанести ответный удар — в этом и состоял мой план, созревший в аптеке. Настойки, как известно, семидесятиградусные, поэтому вышли мы с настоящими рожами покруче старожильских.

День на третий ветераны подошли и предложили посидеть вместе: обе стороны выставляются. Украинский «крэк» — так почему-то в те времена называли местный самогон, — и боярышник — пугающая комбинация. Приняли ее с недоверием, но на следующий день попросили повторить. Тогда-то все и произошло. Вечер состоялся. Баня манила.

Зал ожидания — настолько огромный, что несоответствие его размеров пропускным возможностям сауны на дюжину человек вызывало удивление, — был весь заполнен. По стенам стояли шеренги откидных, как в кинотеатрах, стульев. Ни одного свободного места. Мужики сидели молча, суровые, в новенькой форме, что было легко понять по заламам. Иссиня белые кальсонные пары, армейские вафельные полотенца, что в руках — ненадеванные, не использованные, еще спрессованные от лежания в складских штабелях. Видимо, бросили их в какое-то пекло и дали поход в сауну в качестве поощрения. Тогда это была устоявшаяся практика — новенькими закрыть опасный участок, дать «схватить дозу», а потом «добирать ее до 5 бэр» в оставшиеся месяцы.

— «Мужики, давно сидите?»

– «Давно!» – несколько человек отвечают чертыхаясь хором и добавляют в сауну: «Народ, хорош высиживать, давайте выходите! Быстрее надо!»

Да понятно, что происходит. Пока ждешь – хочется побыстрее, а как попал в нее родимую – забываешься и сидишь, «выгоняешь нуклиды». Какой-то миф даже был, что они в бане могут выходить с потом.

Из сауны не ответили. Очередь посуровела и замкнулась в себя.

... Стоим посреди зала, смотрим.

– «Ну, что, может, пустите нас в женскую?» – обращаемся к банщикам.

– «Да идите!», – разрешают они.

Наша ватага туда и двинула. Краем глаза я непроизвольно отметил – отдельные представители очереди как-то неосознанно напряглись, глядя на происходящее перед ними.

Попарились, «погоняли нуклиды», помылись, собрались. Выходим.

Очередь в том же виде. Не поредела, не сдвинулась.

– Мужики, хватанули? – спросил я.

– Да уж не без этого, – ответил кто-то.

– Давно?

– Да только прибыли и сразу в пекло! И тут не слава богу – сидим здесь уже с обеда!

– Да не переживайте, месяпа через два и вас будут в женскую баню пускать! – говорю я и понимаю, что я имею в виду, что мол познакомитесь с банщиками... а получается, что...

А оно и получилось! Народ проснулся! Вот их будущее – женская баня! И это не слова какие-то, а они сами только что видели, как пускают. Как говаривал академик И.П. Павлов: «Это вам не какой-нибудь научный факт, это – я сам видел!»

Не успел я даже сообразить, как из этой ситуации вырливаться – а мы так неспеша все еще идем через зал, – как кто-то сзади из коллег, уловив неверный пафос моего захода, задает вопрос:

– Мужики, а вам свинцовые трусы-то выдали?

Очередь вся встрепенулась, а мы же все от неожиданности остановились!

– Какие свинцовые трусы?.. Как свинцовые трусы?.. Где дают?..

– Мужики, выдавать должны по две пары на отделение! Положено! Но они тонкие и быстро снашиваются, поэтому начальство само носит и никому не дает! Так что требуйте! Будут говорить, что враки – нет таких трусов! Не верьте! Зажимают!

...

– Что за трусы?..

Я с восхищением смотрел на коллег, которые в красках, закатывая глаза и шурша пальцами расписывали про техническое чудо человеческого гения. Признаюсь, в какой-то момент я даже поддался на магию рассказа.

Всю обратную дорогу коллеги ржали и стыдили меня. Я же отмахивался от байки со свинцовыми трусами, что не я их придумал, и вообще я имел в виду совершенно другое когда сказал про женскую баню. Но мне никто не верил.

Я бы про все это не написал, если бы история не имела неожиданное продолжение. Жизнь сильнее самого талантливое сценариста.

Каждое новое начальство, приехав и поварившись немного в чернобыльской каше, сподвигалось на инновации организационного характера. Вот и в этот раз – высшее руководство решило собирать ликвидаторов и рассказывать как «осуществляется ход ликвидационных работ».

Чернобыльский дом культуры был забит под завязку. Разве что в проходах не сидели. Президиум. Доклады начальника ОГГО (оперативной группы гражданской обороны – в просторечии «огого»), начальника штаба, руководителей направлений. Задачи партии и правительства. Карты, цифры, объемы поведенных работ...

Душно. Антропотоксины – портяночные газы. Клонит в сон.

Наконец, про людей. Про жизнь: безопасность, дисциплина, разгильдяйство и залеты, пьянки (где только достали?), как в бетоношашке баб в Зону возили и пр.

– И еще один вопрос, – продолжает замполит, – в последнее время пошли разговоры про свинцовые трусы!..

На этой фразе я встрепенулся, содержание и цифры у меня сразу выветрились, а весь зал проснулся и ожил – человек важное говорит!

– Должен ответственно заявить о том, что нет никаких свинцовых трусов!

Кто-то в очередной раз еле сдерживаясь рассмеялся, но главное состояло в том, что в зале повисло глубокое недоверие. Миф родился.

...Вот что скажу. Юмор важен, особенно в подобных условиях, благодаря ему возникает спасительная сила радости, которая помогает восстановить жизненное равновесие. Для меня лично и баня, и трусы до сих пор живые.

7. Штрафники

– Медик?

– Так точно!

– Ну, извини, других нет. Давай удостоверение личности, – продолжил оперативный дежурный по ОГГО. – Записываю тебя в журнал напротив задачи, видишь, он секретный, стоит на учете. Бегать за тобой не буду. Как сделаешь – придешь и сам доложишь. А не сделаешь и не доложишь – тебя найдут. Есть специальные люди, они это умеют – достанут из под земли. Понято?

– Ничего непонятно. Делать-то что.

– Делать. Кто б знал. Сейчас пойдешь туда-то, там тебя встретит представитель Правительственной комиссии. Что скажет – то и будешь делать!

– А надолго?

– Как сделаешь, так и будешь свободен!

— Так у меня командировка-то не резиновая!
— Доктор, у меня голова и без тебя болит. Задание Правительственной комиссии! Сколько надо, столько здесь и будешь. Надо будет — и Новый год здесь встретишь!

Я даже рассмеялся.

— Товарищ старший лейтенант, зря смеетесь! Сейчас пойдете и получите заключенных.

— Каких заключенных? — переспросил я, опешив.

— Самых обыкновенных.

— А что, у нас здесь есть заключенные?

— Конечно, — ответил оперативный дежурный с радостью в глазах от произведенного на меня эффекта.

— И где я их возьму?

— На гарнизонной гауптвахте. Тебя там уже ждут. Возьмешь взвод. Если надо будет — выделим больше... Все, давай.

Губа находилась, по моему, в пятиэтажке, но честно — не рассмотрел, сами понимаете, не до этого было...

А ведь день начинался вполне «безоблачно»: я пришел в лабораторию, где лежали и анализировались пробы, собранные по всей Зоне за предыдущий день, сел за стол и продолжил писать «Методическое пособие по правилам радиационной безопасности при выполнении работ по захоронению населенных пунктов, неподдающихся дезактивации». Сидел в самом грязном месте. Прибыл я в отдел сверхштатно и неожиданно (почему и как — тема для настоящих приключенческих мемуаров), никто меня не ждал, поэтому и жить пришлось на «лодке», да и рабочего места не было. При всех издержках — спасибо мужикам, которые всегда предупреждали, что сегодня лучше здесь не сидеть, — место было спокойное: никто лишний раз не совался и не мешал работать над методичкой.

Начальнику отдела и заму было глубоко наплевать, где я сижу, в каких условиях работаю. Задача поставлена — решай. Но как только поступила вводная выделить офицера в ОГГО, сразу же вспомнили о «наименее ценном члене экипажа»: все заняты пробоотбором и их анализом (сами себя сотрудники отдела величали «рабами пробоотбора»: действительно была каждодневная «молотилка»), а я в технологической линейке был лишним. Да и я бы, будь руководителем, такого сотрудника либо сплавил кому-нибудь, либо загружал спускаемыми сверху вводными. Вот так я попал под раздачу.

Гауптвахта была оборудована изобретательно: в подвале дома, первоначально разделенном на кладовые для хранения овощей и прочей утвари его жителей, теперь размещались камеры. Все как и полагается заварено в решетки. И запах все еще благородный: картошки, брюквы, свеклы, солений. Но, конечно, с примесью не убиваемого душка плесени.

— Поработать есть ли охотники? — гаркнул в риторике Маяковского начальник губы в преисподнюю. — Выходи!

Из под земли по одному стали подниматься люди. И сразу с вопросами, куда пошлют. Начальник же показывал на меня — вот, мол, старший. Было заметно, что ему самому интересно, что за задача.

Народ потихоньку набирался, оглядывая мои блестящие медицинские эмблемы, видимо, силясь догадаться, зачем они медицине понадобились.

Я молчал. Что ответить, если я сам, извините, ни хрена не знаю? Но слова нашлись.

– Вот что, будем выполнять задачу Правительственной комиссии. Погибнуть не погибнем, но то что раньше сдохнуть сможем – это точно!

Удивительно, но люди получили то, что их удовлетворило. Ну, а какое еще может быть задание?

Народ попался интересный. Настоящий сброд. Святые и грешники. Те, кто под дурь начальственную попал. Ну и настоящие уголовники.

Через 4 дня я пришел с докладом в ОГТО. К радости, дежурным был тот же полковник.

Он посмотрел на меня с удивлением:

– Как это все сделали? Из Комиссии говорили, что они эту задачу четыре месяца решить не могут.

Ну я же не знал, что ее за четыре дня решить нельзя!

8. Вместо заключения

Перед отъездом я, напившись по рецепту М.В. Ломоносова вполпьяна виноградную водкою, что я вычитал у Александра Николаевича Радищева, написал стихотворение...

Но это уже отдельная история...

октябрь 1988, Чернобыль – Ирпень

Аннотация

Философско-антропологический очерк о бытии человека в зоне ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской атомной электростанции. Антропология места в воспоминаниях участника тех событий описана как через экзистенции долга, судьбы, смеха, мужского и пр., так и через бытовые экзистенциалы – пищи и питья, жизни вещей в пространстве риска и смерти, через изменение характера и структуры жизненного пространства человека в месте его подвига.

Ключевые слова: мемуары, философская антропология, экзистенциалы, Чернобыльская катастрофа, феноменология, подвиг, человек, анекдот, радиация, вещи.

Summary

A philosophical and anthropological sketch of life of a person in the Chernobyl disaster liquidation zone. The anthropology of the memories of the participant of those events is described as through the existential experience of duty, destiny, humour, manliness, etc., and through the existentials of everyday life – food and drink, life of things in the domain of risk and death, through change of character and structure of the person's vital space, where he expresses heroism.

Keywords: memoirs, philosophical anthropology, existentials, Chernobyl accident, phenomenology, feat, person, joke, radiation, things.